

Джордж Элиот

Сайлес Марнер

Перевод с английского
Нины Емельяниковой

ФТМ

Джордж Элиот

Сайлес Марнер

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8072497

Сайлес Марнер: ФТМ; Москва; 2019

ISBN 978-5-4467-3461-0

Аннотация

«Сайлес Марнер» – самый яркий из «сельских» романов Джордж Элиот. Герои живут убедительной в глазах читателя жизнью, их окружает конкретный, узнаваемый мир. Это последний «автобиографический» роман писательницы.

Сайлес Марнер, искусный ткач и некогда уважаемый член небольшого религиозного общества, пережил предательство, людскую несправедливость и потерю с трудом заработанных долгими годами денег. Когда ничто, казалось бы, не вернет замкнувшемуся и нелюдимому Сайлесу веру в жизнь и людей, в рождественские дни на его пороге появляется маленькая осиротевшая девочка. И душа отшельника оттаивает.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джордж Элиот Сайлес Марнер

© Перевод. Н. Л. Емельяникова, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

*Из всех даров судьбы на склоне лет
Нам драгоценнее всего ребенок:
Он вносит радость – в мысли о грядущем.*

Вордсворт

Часть первая

Глава I

В те дни, когда в деревенских домах деловито жужжали веретена и даже знатные дамы, разодетые в шелк и кружева, забавлялись игрушечными прялками из полированного дуба, в глухих местностях, расположенных далеко от проезжих дорог или затерянных в горах, можно было встретить каких-то бледных, малорослых людей. Рядом с крепкими сельскими жителями они казались последними потомками вырождающегося племени. Всякий раз, когда в поле, выделяясь черным силуэтом на фоне раннего зимнего заката, появлялся какой-либо из этих странных чужаков, собака пастуха принималась неистово лаять. Впрочем, какая собака не лает, увидев человека с тяжелым заплечным мешком? А эти изможденные люди редко пускались в путь без своей загадочной ноши. И сам пастух, хотя у него были все основания предполагать, что в мешке ничего нет, кроме льняной пряжи или нескольких штук сурового полотна, сотканного из той же пряжи, был уверен, что в ткацком ремесле, как бы полезно оно ни было, без участия дьявола дело не обходится. В те далекие времена необычные и даже просто редко повторяющиеся явления, как приход бродячего торговца или то-

чильщика, легко порождали суеверный страх. Где дом этих скитальцев, откуда они пришли – никто не знал; а как можно судить о человеке, если тебе не довелось встретить кого-нибудь, кто знал бы если не его самого, то хотя бы его отца или мать? Для сельских жителей тех времен мир за пределами их повседневного опыта казался чем-то смутным и загадочным, – их неискушенному разуму странствия этих людей представлялись чем-то таким же непостижимым, как зимняя жизнь ласточек, возвращающихся с наступлением весны. Даже к поселенцу, если он пришел издалека, до конца его дней относились с оттенком недоверия, и никто бы не удивился, если бы после многих лет безупречной жизни он совершил преступление, особенно если этот поселенец слыл человеком образованным или искусным в ремесле. Всякое умение, будь то ловкое владение таким хитрым инструментом, как собственный язык, или иное искусство, неведомое сельским жителям, уже само по себе казалось подозрительным: честные люди, рожденные и воспитанные на глазах у односельчан, обычно не отличались познаниями и широтой ума, во всяком случае их знания не шли дальше умения разбираться в приметах погоды. А способы приобретения быстроты и сноровки в каком-либо деле казались им настолько таинственными, что граничили, в их глазах, с колдовством. Все это объясняет нам, почему бродившие по деревням и селам ткачи, выходцы из города, оставались для своих соседей чужаками и почему у них возникали странные привыч-

ки, частые у людей, живущих в одиночестве.

В начале этого столетия неподалеку от деревни Рейвлоу, близ заброшенной каменоломни, в хижине, сложенной из камня и окруженной густым орешником, усердно трудился один из таких ткачей, по имени Сайлес Марнер. Подозрительное стрекотание ткацкого станка Сайлеса, столь непохожее на привычный ровный гул веялки или на мерные удары цепов, вызывало жгучее любопытство у окрестных мальчишек. Вместо того чтобы пойти в лес искать орехи и разорять птичьи гнезда, они проводили время перед окном каменной хижины, испытывая почтительный страх перед загадочной работой и в то же время презрительное чувство собственного превосходства. Озорники передразнивали чередующиеся звуки станка и глумились над вечно гнувшим спину ткачом. Случалось, что Марнер, расправляя спутавшиеся нити, замечал непрошенных гостей. Их появление было ему настолько не по душе, что он, хотя и дорожил каждой минутой, вставал из-за станка и, отворив дверь, устремлял на них такой взгляд, что они в страхе убегали без оглядки. Кто бы мог поверить, что большие карие навывкате глаза на бледном лице Сайлеса Марнера отчетливо различают лишь то, что находится совсем близко, и что от его страшного взгляда не происходит никаких бед, – мальчишку, который не успеет удрать, не схватят корчи, у него не размягчатся кости и не перекосятся рот. Дети, вероятно, не раз слышали от родителей многозначительные намеки: что Сайлес Марнер, если б

только он захотел, мог бы исцелять людей от ревматизма и что тому, кто договорится с дьяволом, не нужно тратиться на врача. Такие своеобразные отголоски древнего преклонения перед дьяволом внимательный слушатель и сейчас еще может уловить в разговорах седовласых крестьян, ибо непросвещенному уму трудно представить себе могущество рядом со стремлением творить благо. Существует некая сила, которую можно убедить не причинять зла. В такую форму чаще всего облакаются представления о невидимом божестве в сознании людей, всегда отягощенных насущными заботами и влачащих жизнь, полную тяжкого труда, которая никогда не озаряется подлинным религиозным пылом. Таким людям значительно чаще приходится познавать беды и несчастья, нежели радость и наслаждение. В их воображении почти не возникает картин, порождающих желания и надежды, оно полно тяжелыми воспоминаниями и служит постоянным пастбищем для страха. «Подумайте, нет ли чего-нибудь такого, что вам сейчас пришлось бы по вкусу?» – спросили мы однажды у старого труженика, который был уже при смерти и отказывался от еды, какую предлагала ему жена. «Нет, – ответил он. – Всю свою жизнь я привык есть самую простую пищу, а сейчас мне не хочется и ее». Его жизненный опыт не подсказывал ему никаких заманчивых кушаний, способных возбудить в нем аппетит.

В Рейвлоу все еще жили отзвуки старины, не заглушённые новыми голосами, хотя это и не была бедная деревушка,

прозябающая на задворках цивилизации и населенная лишь тощими овцами да немногими пастухами; напротив, эта деревня лежала среди богатой центральной равнины той страны, которую мы любим называть Веселой Англией, и могла похвалиться фермами, которые, если смотреть на них глазами служителей Бога, приносили церкви немалые доходы. Селение это ютилось в укромной, лесистой долине, на расстоянии целого часа езды верхом от ближайшей проезжей дороги, и поэтому туда никогда не доносились ни переливы рожка почтальона, ни отголоски общественного мнения. Селение Рейвлоу с прекрасной старинной церковью и обширным кладбищем, с фруктовыми садами, обнесенными прочными заборами, с двумя-тремя большими каменными домами, украшенными резными флюгерами, – эти дома подступали к самой дороге и щеголяли гораздо более пышными фасадами, чем жилище священника, видневшееся за деревьями по другую сторону кладбища, – имело довольно внушительный вид. Здесь сразу можно было понять, где живут столпы местного общества, и опытный глаз без труда мог заметить, что по соседству нет большого парка и помещичьей усадьбы, но что в Рейвлоу проживают несколько богатеев, которые, занимаясь хозяйством с прохладцей, все же извлекают из земли достаточные доходы, чтобы и в тяжелые военные времена жить в свое удовольствие и весело праздновать Рождество, Троицу и Пасху.

Прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как Сайлес Мар-

нер впервые появился в Рейвлоу. Тогда это был просто молодой человек с бледным лицом и близорукими карими глазами навывкате. Его внешность не показалась бы странной людям, обладающим некоторым жизненным опытом и известной культурой, но жители деревни, где он решил обосноваться, усматривали в его облике таинственные особенности, которые они сопоставляли с его своеобразным ремеслом и с тем обстоятельством, что он пришел из неведомых краев, с неопределенного «севера». Не менее загадочным казался им и его образ жизни: он никого не приглашал к себе в дом и сам никогда не появлялся в деревне, чтобы пропустить стаканчик-другой в «Радуге» или посплетничать в мастерской колесника. Он не искал ни мужского, ни женского общества, за исключением деловых встреч и тех случаев, когда ему нужно было купить себе самое необходимое. Поэтому девушки Рейвлоу очень скоро поняли, что он никогда не станет уговаривать кого-либо из них принять его предложение, – словно он слышал, как они заявляли, что ни за что не выйдут замуж за вставшего из гроба мертвеца. Такое сравнение было вызвано не только бледностью Марнера и его необыкновенными глазами. Джем Родни, местный кротолов, утверждал, будто однажды вечером, возвращаясь домой, он увидел Сайлеса Марнера, который стоял, прислонившись к ограде поля, с тяжелым мешком за спиной, вместо того чтобы опустить мешок на перекладину ограды, как сделал бы всякий здравомыслящий человек, и что, подойдя к Марнеру, он заметил,

что взгляд его неподвижен, как у покойника. А когда Джем попытался заговорить с ним и даже стал трясти его, Марнер оставался точно окостеневшим, а руки его так сжимали мешок, словно были из железа. Но как раз когда Джем решил, что ткач, должно быть, мертв, тот, как говорится, в мгновение ока вдруг пришел в себя, пробормотал: «Спокойной ночи!» – и ушел. Джем божился, что видел все это собственными глазами, и в доказательство ссылался на то, что именно в этот день он ловил кротов на земле сквайра Кесса у старой лесопилки. Кто-то из слушателей заметил, что у Марнера, вероятно, был «припадок», – этим словом можно было в какой-то мере объяснить то, что казалось неправдоподобным. Но мистер Мэси, псаломщик местной церкви и любитель поспорить, с сомнением покачивая головой, спросил, видел ли кто-нибудь человека, который во время припадка мог бы стоять и не падал. Припадок – это удар, не так ли? А от удара конечности человека теряют подвижность. Такой больной, если у него нет детей, которые в состоянии его прокормить, переходит на иждивение прихода. Нет, нет, это был не удар, раз человек мог стоять на ногах, словно лошадь в оглоблях, а потом взять и уйти. Но бывает, что душа отделяется от тела и может то возвращаться в него, то опять улетать, как птица из гнезда. Потому-то некоторые люди столько знают, что их души, покинув тело, посещают таких наставников, которые могут научить гораздо большему, чем пастор и соседи, познавшие мир только с помощью своих пяти чувств.

А иначе откуда мастер Марнер почерпнул свои познания о травах, почему он обладает чарами, которыми при желании иногда пользуется? Рассказ Джема Родни не мог особенно удивить тех, кто видел, как Марнер исцелил Сэлли Оутс и заставил ее спать крепким младенческим сном, хотя два месяца, а то и больше, пока она находилась под наблюдением врача, сердце ее билось с такой силой, что готово было выскочить из груди. Стоило Марнеру захотеть, он мог бы исцелить и других; одним словом, о нем следовало говорить хорошо, хотя бы для того, чтобы он не накликнул на вас какой-нибудь беды.

Благодаря этим смутным опасениям Сайлес был избавлен от преследований, которые его странности могли навлечь на него. Впрочем, еще большее значение имело то, что умер старый ткач в соседнем, Тарлийском, приходе, и с тех пор ремесло Марнера делало его соседство особенно желанным как для богатых хозяек округа, так и для менее зажиточных, всегда накапливающих к концу года маленький запас пряжи. Люди понимали, что он им нужен, и это сдерживало их подозрительность и неприязнь к нему, тем более что полотно, которое он ткал из их пряжи, как по качеству, так и по количеству вполне их удовлетворяло. Годы шли, и соседи, хотя и не меняли своих суждений о Марнере, постепенно привыкли к нему. По прошествии пятнадцати лет жители Рейвлоу говорили о Сайлесе Марнере то же самое, что и вначале; правда, им теперь реже случалось упоминать о нем, зато они

еще сильнее верили в то, что говорили. Эти годы принесли только одно существенное и новое: утверждали, что мастер Марнер скопил столько денег, что на них мог бы купить многих поважнее себя.

Но в то время как мнение о Марнере оставалось почти неизменным и его повседневная жизнь тоже текла весьма однообразно, внутренняя жизнь его была подлинной эпопеей и претерпела за это время ряд перемен, как всегда бывает с пылкой натурой, если она сама избрала одиночество или была на него обречена.

Жизнь Марнера до переселения в Рейвлоу отличалась полнотой чувств, деятельности и тесным товарищеским общением, какие в те дни, как и нынче, были свойственны жизни ремесленника, с юных лет примкнувшего к немногочисленной религиозной секте, где даже беднейший мирянин имел возможность отличиться, если умел красиво говорить, и, во всяком случае, имел какой-то вес, даже просто участвуя в голосовании по вопросам управления общиной. В этом маленьком скрытом мирке, который называл себя церковью братьев, собирающихся в Фонарном подворье, Марнер пользовался высокой репутацией. Его считали молодым человеком образцового поведения и ревностного благочестия. Особый интерес к нему стали проявлять с тех пор, как он однажды, во время молитвы, впал в непонятное состояние полной неподвижности и потерял сознание. В этом состоянии он пробыл час или даже больше, и все уже думали, что он умер.

Никому и в голову не пришло искать для случившегося медицинское объяснение, ибо это было бы сочтено как самим Сайлесом, так и пастором и остальными членами секты сознательным отрицанием духовного значения этого происшествия. Сайлес, очевидно, был избран для какого-то особого искусства. И хотя определить искус было трудно из-за отсутствия божественного видения во время припадка, все же и сам молодой человек и все остальные верили, что на него после этого снизошло какое-то внутреннее просветление. Менее честный человек мог бы поддаться искушению придумать какое-нибудь видение и выдать его за воскресшее в памяти, менее здравомыслящий человек мог бы даже сам поверить в это. Но Сайлес был и честным и здравомыслящим, хотя, как у многих честных и пылких, но в то же время темных людей, чувство таинственного в нем не находило себе надлежащего разрешения и поэтому направлялось лишь по пути расспросов и собирания отрывочных знаний. От матери Сайлес унаследовал знакомство с целебными травами и приготовлением из них лекарств. Это был скромный запас мудрости, который она передала ему как посмертный дар, но за последние годы у него возникли сомнения, законно ли применять эти знания. Он верил, что травы не оказывают действия без молитвы, а молитвы достаточно и без трав. Таким образом, унаследованное им от матери пристрастие к прогулкам по полям в поисках наперстянки, одуванчика и мать-и-мачехи начало принимать в его глазах характер иску-

шения.

Среди членов секты, к которой он принадлежал, был молодой человек, немного старше его, с которым он много лет прожил в такой тесной дружбе, что братья Фонарного подворья часто называли их Давидом¹ и Ионафаном². Настоящее имя этого друга было Уильям Дейн, и он тоже считался ярким образцом юношеского благочестия, хотя и проявлял излишнюю строгость к более слабым братьям, а также бывал ослеплен собственным блеском и считал себя умнее своих учителей. Но какие бы недостатки ни находили в нем другие, в глазах друга он всегда оставался совершенством, ибо Марнер был одной из тех впечатлительных, не уверенных в себе натур, которые, пока сами не созрели, восхищаются властью других и ищут опоры в тех, кто умеет отстаивать свои мнения. Выражение доверчивости на лице Марнера, пугливый взгляд, подобный взгляду лани, столь свойственный большим выпуклым глазам, отсутствие особой наблюдательности – все это являло разительный контраст с тем самодовольством, которое таилось в прищуренных глазах и крепко сжатых губах Уильяма Дейна. Одной из любимых тем разговоров между двумя приятелями была «уверенность во спасении»: Сайлес признавался, что его вера никогда не шла дальше надежды, смешанной со страхом, и с жадным удив-

¹ **Давид** – полулегендарный древнееврейский царь (конец XI – начало X в. до н. э.).

² **Ионафан** – сын древнееврейского царя Саула и друг царя Давида.

лением слушал заявления Уильяма о том, что он не сомневается во спасении верой. Эта вера пришла к нему во время его обращения, когда ему привиделись слова «Веруй во призвание и избрание» на белой странице открытой Библии. Подобные беседы были нередки среди бледных ткачей, чьи голодные души, как едва оперившиеся покинутые птенцы, беспокойно металась во мгле.

Доверчивому Сайлесу казалось, что дружба их ничуть не пострадала даже тогда, когда у него появилась новая, более глубокая привязанность. Уже несколько месяцев он был помолвлен с молодой служанкой, и они ждали лишь той счастливой минуты, когда их совместные сбережения позволят им обвенчаться. Сайлес был очень рад тому, что Сара не возражала, если Уильям иногда бывал с ними во время их воскресных свиданий. Именно в это время на одном из молитвенных собраний и произошел с Сайлесом припадок каталепсии. И среди многочисленных вопросов и выражений сочувствия, обращенных к нему со стороны членов общины, только Уильям молчал, не разделяя всеобщего уважения к брату, отмеченному для особых деяний. Он сказал, что, по его мнению, этот глубокий сон был скорее посещением дьявола, чем доказательством милости Божией, и увещевал своего друга поглубже заглянуть в свою душу, дабы убедиться, не таит ли она в себе какого-либо зла. Считая своим долгом выслушать всякое братское порицание и наставление, Сайлес не обиделся на друга, но ему было больно, что тот со-

мневается в нем. А вскоре к этой боли прибавилась еще новая тревога, когда он заметил, что в отношении к нему Сары появилась некоторая неровность: девушка была с ним то преувеличенно ласкова, то невольно отстранялась, и он мог заметить, что она больше не любит его. Тогда он спросил ее, не хочет ли она взять назад свое слово, но Сара это отрицала; их помолвку, уже известную братству и освященную общими молитвами, нельзя было расторгнуть без строгого расследования, а у Сары не было никакой причины, которую община сочла бы достаточно веской.

В это самое время опасно заболел архидьякон, и так как он был бездетным вдовцом, за ним днем и ночью ухаживали младшие братья и сестры общины. Сайлес и Уильям часто дежурили ночью у постели больного, причем один сменял другого в два часа ночи. Старик, вопреки ожиданиям, казалось, начал поправляться, но однажды ночью Сайлес, сидя у его изголовья, вдруг заметил, что обычно явственно слышимое дыхание старика прекратилось. Свеча уже догорала, и Сайлесу пришлось поднять ее, чтобы лучше разглядеть лицо больного. Осмотр убедил его, что дьякон скончался, и уже довольно давно, ибо конечности его окостенели. Сайлес недоумевал: неужели он уснул? Посмотрев на часы, он увидел, что уже четыре часа утра. Почему же не пришел Уильям? Встревоженный, он бросился звать людей на помощь, и вскоре в доме собрались друзья покойного и сам пастор, а Сайлес пошел домой, надеясь, что ему удастся встретить

Уильяма и узнать, почему тот не сменил его у больного. Но в шесть часов, когда он уже готов был отправиться на поиски друга, явился Уильям, а с ним и пастор. Они пришли звать Сайлеса в Фонарное подворье, где уже находились остальные члены общины, а когда он спросил их, зачем его вызывают, ему коротко ответили: «Увидишь». Больше ничего не было сказано до тех пор, пока Сайлеса не усадили в собрании напротив пастора и строгие взоры тех, в ком он видел избранных Божьих, не устремились на него. Затем пастор, вынув карманный нож, показал его Сайлесу и спросил, знает ли он, где оставил этот нож? Сайлес ответил, что не знает, ибо все время полагал, что нож у него в кармане; но при этом он весь дрожал, смущенный странным допросом. Затем его стали убеждать не скрывать свой грех, а сознаться в нем и покаяться. Нож нашли в ящике стола рядом с постелью покойного дьякона, в том месте, где обычно лежал мешочек с принадлежащими братству деньгами, который пастор сам видел накануне. Кто-то взял этот мешочек, – и чья же рука могла это сделать, как не рука человека, которому принадлежит нож? Сначала Сайлес онемел от изумления, затем он проговорил:

– Бог меня оправдает; я не знаю, как туда попал мой нож и как пропали деньги. Обыщите меня и мой дом, – вы ничего не найдете, кроме трех фунтов пяти шиллингов моих собственных сбережений, которые – Уильям Дейн об этом знает – лежат у меня вот уже полгода.

При этих словах Уильям тяжело вздохнул, а пастор сказал:

– Вески улики против тебя, брат Марнер! Деньги были взяты прошлой ночью, и около нашего покойного брата не было никого, кроме тебя, ибо Уильям Дейн, как он говорит, не мог явиться туда по причине внезапного недомогания, и ты сам признаешь, что он не приходил. Кроме того, ты виновен в том, что даже не заметил, когда больной умер.

– Я, наверно, заснул, – сказал Сайлес. Помолчав, он добавил: – Или, может быть, Бог снова посетил меня, как в тот раз, когда вы все это видели, и поэтому вор мог войти, пока душа моя покидала тело, а затем уйти незамеченным. Но, повторяю, общите меня и мое жилище, больше я нигде не был.

Обыск был сделан и закончился тем, что Уильям Дейн нашел за комодом в спальне Сайлеса похищенный мешочек, – он был пуст. После этого Уильям начал увещевать друга сознаться и покаяться в своем грехе. Сайлес поглядел на него с упреком и сказал:

– Уильям, девять лет мы всегда были вместе. Слышал ли ты хоть раз, чтобы я солгал? Нет, Бог меня оправдает!

– Брат, – ответил Уильям, – могу ли я знать, что происходит в сокровенных тайниках твоего сердца и как дьяволу удалось овладеть тобой?

Сайлес все еще смотрел на своего друга. Внезапно лицо его вспыхнуло, и он уже готов был гневно сказать что-то, но какое-то внутреннее потрясение помешало ему и согнало

краску с его лица. Он весь дрожал. Наконец, глядя на Уильяма, он слабым голосом произнес:

– Я вспомнил, ножа при мне не было.

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, – ответил Уильям.

Все присутствовавшие начали спрашивать Сайлеса, где, по его мнению, находился нож, но не добились никаких объяснений.

– Я в большом горе, – сказал он. – Больше я ничего не могу сказать. Бог меня оправдает.

Члены братства собрались снова, чтобы еще раз обсудить дело. Обращение к закону для установления виновного противоречило принципам братства, считавшего судебное преследование противным духу христианства. А тут еще преступление могло вызвать кривотолки и нанести урон чести общины! Но ее члены не могли не принять каких-либо мер для выяснения истины, поэтому они решили молиться и тянуть жребий. Такое решение может удивить только тех, кто незнаком с причудливыми формами религиозной жизни, таившейся в глухих закоулках наших городов. Вместе с другими братьями Сайлес опустился на колени, надеясь, что вмешательство небес докажет его невиновность, но предчувствуя, что теперь печаль и горе все равно будут неотступно следовать за ним, ибо вера его в человека была жестоко подорвана. *Жребий решил, что Сайлес Марнер виновен.* Его торжественно лишили звания члена братства и потребовали,

чтобы он возвратил украденные деньги. Ему объявили, что только чистосердечное признание и раскаяние помогут ему быть снова принятым в лоно церкви. Марнер слушал молча. Наконец, когда все поднялись, чтобы уйти, он подошел к Уильяму Дейну и голосом, дрожащим от волнения, сказал:

– Я вспомнил, что в последний раз вынимал нож, чтобы отрезать тебе кусок ткани. После этого я в карман его больше не клал. Ты украл деньги, и ты придумал всю эту историю, чтобы взвалить вину на меня. Ну что ж, процветай, ибо нет Бога, который справедливо правит землей, есть лишь бог лжи, который обвиняет невинного!

Все содрогнулись, услышав такое богохульство.

Уильям ответил кратко:

– Пусть братья решат, не дьявол ли глаголет твоими устами. Мне остается лишь молиться за тебя, Сайлес!

Бедный Марнер вышел с отчаянием в душе. Его вера в Бога и человека была подорвана, а того, кто стремится к любви, это может привести на грань умопомешательства. Страдая от тяжелой душевной раны, он с горечью сказал себе: «Теперь и Сара отвернется от меня». И он подумал еще, что, если она не поверила свидетельствам против него, значит и ее вера в Бога подорвана. Людям, привыкшим размышлять о формах, с которыми нераздельно слито их религиозное чувство, трудно постигнуть тот наивный и простой способ мыслить, когда обрядность и чувство еще не расторгнуты мыслью. Мы склонны полагать, что любой человек в положении Марне-

ра начал бы сомневаться, правильно ли искать высшего правосудия, прибегая к жребию. Но Сайлесу это и в голову не приходило, так как подобное свободомыслие было ему совершенно чуждо. Ему пришлось бы напрячь все свои духовные силы как раз тогда, когда они слились в тоске по утраченной вере. Если существует ангел, который ведет счет горестям людей, так же как их грехам, он знает, как многочисленны и глубоки горести, проистекающие из ложных представлений, в которых никто не повинен.

Марнер вернулся домой и целый день просидел один, убитый отчаянием, не порываясь даже пойти к Саре и попытаться убедить ее в своей невинности. На следующий день, в надежде вырваться из своего оцепенения, он сел за станок и работал как всегда. Вскоре к нему явился пастор в сопровождении одного из дьяконов и сообщил, что Сара берет назад данное ему слово. Сайлес молча выслушал это известие и, отвернувшись от посетителей, снова принялся за работу.

Не прошло и месяца, как Сара вышла замуж за Уильяма Дейна, а вскоре братьям общины стало известно, что Сайлес Марнер покинул родной город.

Глава II

Бывает, что судьба вдруг переносит человека в совершенно новый край, где его прошлое никому не известно, где никто не разделяет его мыслей, где сама мать земля предстает ему в ином облике, а жизнь человеческая приобретает иные формы, чем те, какие раньше питали его душу.

В таких случаях даже человеку, чья жизнь обогащена образованием, иногда трудно бывает сохранить привычные взгляды и веру в незримое, и даже сознание, что былые печали и радости им действительно пережиты. Разум, утратив прежнюю веру и любовь, иногда ищет Лету в одиночестве, когда прошлое становится призрачным, потому что исчезли все его внешние знаки, а настоящее тоже призрачно, ибо не связано с воспоминаниями о прошлом. Но даже человек с подобным жизненным опытом едва ли был бы в состоянии ясно представить себе, какое влияние оказало на простого ткача Сайлеса Марнера переселение из привычных мест, от привычных людей, в Рейвлоу. Эта ровная лесистая местность, где он чувствовал себя скрытым даже от небес под сенью деревьев и живых изгородей, была полной противоположностью его родному городу, живописно раскинувшемуся меж холмов. Когда среди глубокой утренней тишины он выходил на свой порог и смотрел на окропленную росой ежевику и буйно разросшуюся траву, ничто не напоминало ему

здесь жизнь, центром которой было Фонарное подворье, когда-то бывшее для него олицетворением всего святого и возвышенного. Выбеленные стены, маленькие церковные скамьи, на которые, тихо шурша одеждой, усаживались такие знакомые фигуры и с которых поочередно раздавались такие знакомые молитвенные слова; смысл их, подобно амулету на груди, был одновременно и загадочен и привычен; кафедра, откуда пастор, слегка покачиваясь и всегда одинаковым жестом перелистывая Библию, провозглашал никем не оспариваемые истины, даже паузы между строфами псалма, когда его исполняли хором, и попеременное нарастание и замирание пения – все это в глазах Марнера было источником Божественной благодати, обителью его религиозных чувств, это было само христианство и царство Божие на земле. Ткач, не понимающий всех слов в своей псалтыри, ничего не смыслит в абстракциях, – он похож на младенца, не ведающего о родительской любви, но знающего лицо и грудь, к которым он простирает ручонки в поисках защиты и пищи.

А что могло быть менее похоже на жизнь в Фонарном подворье, чем жизнь в Рейвлоу, где фруктовые сады дремали, сгибаясь под обилием плодов, где люди редко ходили в просторный храм среди обширного кладбища и только издали посматривали в ту сторону, где краснолицые фермеры слонялись по узким улочкам, то и дело сворачивая в «Радугу», где в домах мужчины имели привычку плотно поужинать и поспать при свете вечернего очага, а женщины копили за-

пасы холста, которого, казалось, им могло хватить и на том свете. В Рейвлоу не было человека, с уст которого могло бы слететь слово, способное пробудить уснувшую веру Сайлеса Марнера. В стародавние времена люди, мы знаем, верили, что каждый клочок земли населен и управляется особыми божествами; перейдя через пограничные горы, человек мог уйти из-под власти прежних богов, обитавших только в ручьях, рощах и холмах, знакомых ему с самого рождения. И бедный Сайлес смутно ощущал нечто похожее на чувство первобытных людей, когда они скрывались таким образом, напуганные и угрюмые, от взора равнодушного к ним божества. Ему казалось, что сила небесная, на которую он, шагая по улицам и сидя на молитвенных собраниях, тщетно уповал, осталась очень далеко от той земли, которую он избрал своим пристанищем, где люди жили в беспечном довольстве, не веря в эту силу и не нуждаясь в ней, причинившей ему столько мучений. Та искорка, которой ему дано было обладать, светила так тускло, что утрата веры стала завесой, создавшей вокруг него непроглядную тьму.

Немного оправившись от пережитого потрясения, Сайлес немедленно вернулся к станку. Он трудился не покладая рук, никогда не спрашивая себя, для чего теперь, переселяясь в Рейвлоу, он так старательно работает допоздна, спеша выткать столовое белье для миссис Осгуд раньше срока, даже не думая о том, сколько она заплатит ему за работу. Казалось, он ткал, как паук, инстинктивно, не размышляя. Но

труд, которому человек предается так упорно, сам по себе становится для него целью и служит ему мостом через пустынные пропасти жизни. Руки Сайлеса довольствовались перебрасыванием челнока, а глаза – теми маленькими квадратами ткани, которые появлялись благодаря его усилиям. Затем надо было позаботиться о еде, и Сайлесу в его одиночестве приходилось самому готовить себе завтрак, обед и ужин, носить воду из колодца и ставить на огонь котелок. Все эти необходимые дела вместе с ткацкой работой превращали его жизнь в бездумное существование муравья или паука. Он ненавидел память о прошлом, а среди чуждых ему людей, возле которых он поселился, не нашлось никого, кто бы мог вызвать в нем любовь или дружеские чувства. Будущее было темно, ибо не было на свете такой любви, которая незримо охраняла бы его от бед. Мысль его остановилась в растерянности, так как ее старый узкий путь теперь был закрыт, а чувства, казалось, умерли от раны, нанесенной его нежнейшим нервам.

Наконец столовое белье миссис Осгуд было готово, и Сайлесу было уплачено золотом. Его заработки в родном городе, где он сдавал свои изделия оптовому торговцу, были гораздо меньше, – ему платили понедельно, и значительная доля его полочки уходила на благотворительность и другие богоугодные дела. А теперь впервые в жизни ему вручили пять блестящих гиней³, и он ни с кем не обязан был делить эти день-

³ **Гинейя** – английская золотая монета, бывшая в обращении до начала XIX

ги, да и не было у него никого, с кем он хотел бы поделиться своим богатством. Но к чему ему теперь эти гинеи, если впереди только работа, работа и больше ничего? Однако он не думал об этом, – ведь так приятно ощущать монеты на ладони, любоваться их ярким блеском и сознавать, что они – твоя собственность. Это была новая сторона жизни, подобно работе и удовлетворению голода, она существовала вне мира веры и любви, от которого он был отрезан. Рука ткача знала деньги, добытые тяжким трудом, еще в те годы, когда это была слабая рука подростка. Двадцать лет таинственные в своей власти деньги были для него символом земного благосостояния и непосредственной целью труда. Однако в те годы, когда каждый грош имел определенный смысл, Сайлес ценил не деньги, а то, что они сулили ему. Теперь же, когда цели не стало, эта привычка ждать заработанных денег и получать их, как награду за усилия, послужила почвой, достаточно глубокой для всхода семян алчности. И когда Сайлес под вечер возвращался через поля домой, он то и дело вытаскивал монеты из кармана, и ему казалось, что в надвигающихся сумерках они блестят еще ярче.

Как раз в это время произошел случай, который, казалось, открывал ему возможность для некоторого сближения с соседями. Придя к сапожнику отдать в починку башмаки, Сайлес увидел у камина его жену, которая страдала от ужасных болей, – у нее была болезнь сердца и водянка, – и вспом-

нил, что такие же признаки предшествовали смерти его матери. На него нахлынула волна жалости и, припомнив, как облегчал страдания матери простой настой наперстянки, он пообещал Сэлли Оутс принести лекарство, от которого ей станет легче, раз уж доктор не в силах ей помочь. Сделав это доброе дело, Сайлес впервые с тех пор, как поселился в Рейвлоу, почувствовал, что между его прошлой и настоящей жизнью как бы протянулась невидимая нить, и она могла помочь ему выбраться из того бессмысленного существования, в котором он погряз. Болезнь Сэлли Оутс как бы возвысила ее над соседями, сделала весьма значительной особой. Поэтому, когда после «снадобья», принесенного Сайлесом Марнером, ей стало легче, ткач стал предметом всеобщих толков. Не было ничего удивительного, если лекарства, предписанные доктором Кимблом, приносили пользу, но когда простой ткач, неизвестно откуда явившийся, творит чудеса исцеления при помощи склянки с бурой жидкостью, тут явно что-то нечисто. Ничего подобного здесь не видали с тех пор, как умерла знахарка из Тарли; у той были и амулеты и «снадобья», и к ней шли все, у кого были припадочные дети. Сайлес Марнер, должно быть, человек того же пошиба. Если он знал, что именно облегчит дыхание Сэлли Оутс, ему, надо думать, известно больше, чем простым смертным! Тарлийская знахарка бормотала про себя какие-то слова, так что ничего нельзя было разобрать, и если она в то же время перевязывала красной ниткой большой палец на ножке ре-

бенка, это предохраняло его от водянки. В Рейвлоу и сейчас жили женщины, которые постоянно носили на шее ладанки, полученные ими от знахарки, и по этой самой причине у них не было детей-идиотов, как у бедной Энн Коултер. Наверное, Сайлес Марнер мог делать то же, что знахарка, и даже больше; теперь было вполне понятно, почему он явился из неведомых мест и был такой «чудной». Сэлли Оутс, однако, должна быть осторожна: нельзя ни слова говорить об этом доктору, ибо тот, конечно, рассердится на Марнера; он всегда сердился на знахарку и, бывало, грозил тем, кто обращался к ней, что никогда больше не будет помогать им.

Сайлес и его хижина вдруг оказались под осадой женщин, которые требовали, чтобы он заговорил коклюш и возвратил пропавшее в груди молоко, и мужчин, которые просили снадобья от ревматизма или подагры, а чтобы не было отказа, у каждого просителя была зажата в руке серебряная монета. Сайлес мог бы вести выгодную торговлю амулетами и немногими известными ему лекарствами, но такой способ получения денег не соблазнял его. Не умея и не желая лгать, он прогонял посетителей одного за другим, и раздражение его все росло, так как весть о нем как об искусном знахаре достигла даже Тарли, и прошло много времени, прежде чем люди издалека перестали обращаться к нему за помощью. Мало-помалу вера в его могущество сменилась страхом, ибо никто не хотел верить, когда он заявлял, что не знает никаких заговоров и никого не может лечить. Всякий, с кем случался недуг

или припадок, после того как Сайлес отказывал им в помощи, обвиняли в этом мастера Марнера и его дурной глаз. Так вот и вышло, что порыв сострадания, вызванный в нем болезнью Сэлли Оутс и на короткое время вновь пробудивший в нем сознание братства всех людей, лишь увеличил неприязнь между ним и его соседями и сделал его еще более одиноким.

Между тем гиней, крон⁴ и полукрон постепенно становилось все больше и больше, а Марнер все меньше и меньше тратил на свои нужды, всячески ограничивая свои потребности и стараясь лишь настолько поддерживать свои силы, чтобы их хватило на шестнадцатичасовой рабочий день. Разве люди, содержащиеся в одиночном заключении, не развлекаются тем, что отмечают время на стене черточками определенной длины, пока, наконец, подсчет этих черточек, расположенных треугольниками, не превращается в самодовлеющую цель их жизни? Разве мы не стараемся сократить минуты бездействия или утомительного ожидания, машинально повторяя одно и то же движение или один и тот же звук, пока такое повторение не породит потребность – зародыш привычки? Зная это, мы, может быть, поймем, каким образом любовь к накоплению денег вырастает во всепоглощающую страсть у людей, чье воображение даже при самом возникновении этой страсти не подсказывает им никакой иной цели, кроме того же накопления. Марнеру хотелось, чтобы

⁴ **Крона** – английская серебряная монета, равная пяти шиллингам.

столбики в десять монет заполнили квадрат, по десять в ряду, потом – еще больший квадрат, и с каждой новой гинеей, которая сама по себе доставляла удовольствие, рождалось и новое желание. В этом странном мире, превратившемся для него в неразрешимую загадку, он мог бы, если бы был менее сильной натурой, сидеть и ткать, ткать, ожидая то завершения узора, то окончания штуки ткани, пока не забыл бы о своей неразрешимой загадке и обо всем остальном, кроме ощущений минуты. Но получение денег стало делить его работу на периоды, и деньги не только росли, но и оставались при нем. Он все более проникался мыслью, что они, как и его станок, знают его, и потому он ни за что не разменял бы эти монеты, ставшие ему близкими, на другие, незнакомые. Он любовно брал их в руки, считал и пересчитывал, и любованье их формой и цветом стало для него такой же потребностью, как утоление жажды. Однако только ночью, когда работа была закончена, он доставал свое сокровище. Вынув из пола под станком несколько кирпичей, он устроил тайник и там прятал чугунный горшок, в котором хранились его гиней и серебро. Опустив горшок в тайник, он клал кирпичи на место и засыпал их песком. Нельзя сказать, чтобы его часто посещала мысль об ограблении, – в те дни в сельской местности многие хранили деньги в потайном месте, и в Рейвлоу были старые труженики, которые, как всем было известно, прятали свои сбережения, вероятно, просто под матрасом, но их более бедные соседи, хотя не все они отличались чест-

ностью, свойственной их предкам в дни короля Альфреда⁵, не обладали достаточно смелым воображением, чтобы задумать покражу. Да и как могли бы они тратить эти деньги в родной деревне, не выдав себя? Они были бы вынуждены бежать, а бегство в те времена было столь же темным и сомнительным предприятием, как полет на воздушном шаре.

Так год за годом жил Сайлес Марнер в своем уединении, наполняя чугунный горшок гинейми, и его жизненный круг становился все уже и бледнее, превращаясь в простое чередование потребностей и их удовлетворения, без всякой связи с какой-либо другой человеческой душой. Его существование свелось к работе и накоплению, без мысли о какой-нибудь цели этих действий. Жертвой такого же процесса становятся, вероятно, и люди более мудрые, когда они утрачивают веру и любовь, с той только разницей, что, вместо станка и груды гиней, их прельщает какое-нибудь глубокое исследование, остроумный проект или тонко построенная теория. И внешность Марнера удивительно переменялась – лицо сморщилось, а фигура сгорбилась, ибо такова была его постоянная поза возле одних и тех же предметов его обихода, и поэтому он производил такое же впечатление, как отдельно взятая рукоятка или изогнутая трубка, не имеющие самостоятельного назначения. Выпуклые глаза его, которые, бы-

⁵ **Альфред Великий** (848–901) – англосаксонский король (871–901), о котором сохранилась память как о мудром и просвещенном монархе. Годы его правления народ окружил легендой. Они представлялись ему своеобразным «золотым веком».

вало, смотрели доверчиво и мечтательно, теперь, казалось, были способны разглядывать лишь какую-то одну вещь, маленькую как зернышко, которую они повсюду искали. Лицо его настолько увяло и пожелтело, что дети всегда звали его «старый мастер Марнер», хотя ему не было еще и сорока лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.